

СТОШНИТ

даже ангела

В «кукольном доме» Томаса Остермайера льется кровь и живут нетрезвые ангелы

АРТУР СОЛОМОНОВ

Второй спектакль берлинского театрального фестиваля Theaterreffen — «Нора» в постановке художественного руководителя берлинского театра «Шаубюне» одного из самых одаренных молодых режиссеров Германии Томаса Остермайера.

Ангел напился. Стоит в сторонке. Его мутит. Неизбежное случилось: ангела стошнило. Отдышался, почесал за крылом. Просит сигару. Закуривает, пытается женщину поцеловать. Нимб во время поцелуя тихо покачивается...

Как спектакль по пьесе Генрика Ибсена «Нора» докатился до такого? Начнем, как положено, с начала. На сцене — богатый немецкий дом. Три уровня, три этажа. Огромный аквариум справа. В нем величаво проплывают синие, желтые, зеленые рыбы. Выше — стекло. Такое впечатление, что на этом стекле запечатлен снимок несущегося с огромной скоростью поезда — вагоны сливаются в одно сине-красно-оранжевое пятно. В глубине сцены — бар, музыкальный центр. Чуть ближе — стол, несколько аккуратных диванов. На втором «ярусе» — комнатка, там работает муж главной героини, там принимает друзей. Высунется он со своей верхотуры, поглядит

на жену, а она ему, например, ножку покажет. Или еще чего. Муж блаженно улыбнется, и — работать, работать, работать... Обычно пьесу Ибсена в театре ставят как историю про женщину, которая осознала себя личностью и покинула свой «кукольный дом». Вернее, дом своего мужа. Остермайера не интересуют проблемы эмансипации, неравенства женщин и мужчин, половой дискриминации и тому подобных сексуальных фантазий. Он поставил спектакль о симбиозе двух людей, не желающих ничего знать друг о друге, помимо: «я сплю с ним, люблю его, рожаю ему детей, следовательно — он мне должен»; «я ее одеваю и кормлю, ее и моих детей, работаю как проклятый — и имею право не думать ни о чем, кроме ее тела».

Конечно, эта схема посложнее, но каркас отношений главных героев, Норы и Торвальда (Анне Теснер и Йорг Хартманн), — таков. И главным событием должно стать прозрение: Торвальд, преуспевающий директор банка, должен узнать, что жена когда-то его обманула, а ей необходимо понять, что любовь мужа более чем поверхностна. То есть после многих лет совместной жизни они в конце концов должны познать друг друга. Неотвратимость этого события — очень печального, потому что Нора, вопреки воле драматурга, но по воле режиссера, своего мужа убьет — чувствует себя во всем.

Здесь все движения зарифмованы: Торвальд медленно открывает дверь, Нора прислоняется спиной к столу; муж целует жену, в этот момент в комнату тихо входит человек, который откроет тайну Норы — и жизнь полетит кувирком; Торвальд нацеливает фотоаппарат на жену, сцена освещается вспышкой, и тут же врывается музыка. Ну очень громкая, нестерпимо. Кажется, Нора и ее муж хотят оглушить себя, не допустить до своих ушей новые слова — и врубают музыку, не хотят увидеть того, что нарушит их покой, — и закрывают глаза или ослепляют себя фотовспышкой. Некоторые приемы Остермайера незатейливы, в каком-то смысле стары, как закулисная пыль, но всегда точны и всегда к месту.

Режиссер перенес действие пьесы в начало двадцать первого века, в Германию. Точность адреса, ноутбуки, музыкальные центры, новейшие марки мобильных, то, что друг семьи — бисексуал и болен СПИДом, словом, все очень конкретные приметы современной жизни не снижают художественного уровня постановки. Актуальность, как это часто бывает, не уничтожает поэзии. Весь современный антураж (создавая ощущение, что все это происходит здесь и сейчас) оказывается почти фантастичным. Дело, конечно, в том, что актеры делают в этом пространстве. Чем дальше идет спектакль, тем явственнее становятся пробоины в этом уютном, соз-

данном для счастливой жизни мире. Внезапно день сменяет ночь, и начинается какая-то вакханалия: вопли и танцы, мерцающий свет, потасовки. Тишина — и все течет по старому.

Анне Теснер, играющая Нору, — великолепная актриса. Она, если можно так сказать, с начала спектакля сжимает свое тело в кулак, а потом наносит им удары. Обычно актеры не играют ниже плеч. Глядя на Теснер, кажется, что, когда она злится — злится все ее тело, когда хохочет — смеются и руки, и чего только не смеется. Ее паузы — посильней долгих монологов.

Героиня Анне Теснер провела жизнь под взглядами мужчин. Она ни на секунду не забывает, как нужно повернуться, чтобы стали явственней упругие формы, как нужно выпускать дым изо рта, как незаметно, при гостях, подойти к мужу, показать гладкий живот, запустить руку ему в штаны. И тогда все ее желания будут ис-

полнены: она поможет подруге устроиться на работу, и ее банковский счет пополнится еще парой сотен евро. Она — проститутка, просто у нее только один, весьма постоянный клиент. И когда, похоже, впервые за всю совместную жизнь, она отказывает ему в близости, нет предела изумлению директора банка.

Танец Норы. Она знает, что у нее нет оружия, кроме ее тела. Поэтому ее танец — как парад бронетехники на площади. Она выбрасывает вперед руки, ноги, изламывается, обхватывает бедра. Это атака, не иначе. Агрессия криков и яростных движений, постоянно взламывающая течение спектакля, подспудно готовит зрителя к финальному выстрелу. Вернее, выстрелам. Нора буквально изрешетит тело мужа. Он упадет подле аквариума, и туда будет стекать кровь. После выстрелов Нора сядет на авансцену, и мы услышим песню: «Don't ask me why».